АП. ЗАЛѢССКІЙ.

ПОѢЗДКА
въ Петербургъ.
1901.

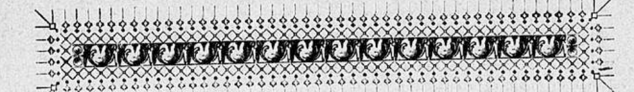
ПЕТРОКОВЪ
Въ типографіи С. Панскаго.
1904.

Дозволено цензурою.
Варшава, 31 августа 1904 года.

Впечатлѣнія и замѣтки.

10 декабря. Отъѣздъ*). Дождикъ осенній, мелкій, тоскливый, наводящій уныніе. Вокзалъ мокрый, закрытый молокомъ тумана и паромъ дымящагося локомотива, который, кажется, сейчасъ купался вмѣстѣ съ туманомъ въ молокѣ. Поле угрюмо. Сѣрые пески, вымоченные до мозга костей, сдѣлались красно-бурыми, грязными, неуклюжими. Кое-гдѣ виднѣются зеленыя озими стройными грядками, словно ихъ выравнивали подъ шнуръ; только зелень эта съ налетомъ желтизны: морозы и снѣгъ наложили на нихъ свою тяжелую руку. Снѣгъ еще лежитъ во рвахъ, на полѣ. Но здѣсь онъ грязенъ, плакалъ долго, и слезы растиралъ грязными кулаками, и ликъ его похожъ на заплаканное лицо ребенка. А тамъ, въ полѣ, снѣгъ лежитъ комками, и кажется, будто сѣрые гуси кучками припали къ землѣ и лежатъ, мокрые, не шевелясь, въ суровую непогодь. Деревья черны, на нихъ висятъ крупныя капли слезъ, и только ели счастливы и веселы: онѣ рады влагѣ-дождю, зимой ли это, или лѣтомъ. Природа мертва, угрюма, и лишь грязныя вороны съ крикомъ громоздко падаютъ на землю какъ комья сѣрой глины и глупо смотрятъ въ сторону уходящаго поѣзда, нарушившаго ихъ безсмысленный покой. Невесело и на станціяхъ. Все съ густымъ налетомъ грязи отъ льющагося дождя, даже индюшки, издающія удивленные звуки; молодые пѣтушки съ видомъ мокрой курицы, въ раздумьи стоятъ подъ товарнымъ вагономъ, и не знаешь, гдѣ собственно больше красной грязи: на стѣнкахъ ли вагона, или на перьяхъ задиры пѣтушка, у котораго видъ сейчасъ далеко не изъ бойкихъ. Лишь мѣстные іоркширы равнодушны къ окружающему мокрому и грязному ландшафту, и ихъ тупые розовые пятачки усердно подрываютъ рельсъ, а умный глазъ, прикрытый повислымъ ухомъ, пытливо смотритъ, нѣтъ ли гдѣ добычи.

*) Отправиться въ Петербургъ изъ Петрокова пришлось въ концѣ 1901 года для участія въ занятіяхъ XI съѣзда естествоиспытателей и врачей по секціи географіи.

11 декабря. Нѣтъ снѣга. Нѣтъ листьевъ. Нѣтъ красы зимы и лѣта, и длинныя равнины Волыни кажутся угрюмо разостланы, хочется сказать, будто мокрые куски сѣраго суроваго полотна... сколько глазъ видитъ, всюду. Здѣсь родятся Авратынскія горы. Онѣ идутъ холмами съ сѣверо-запада на юго-востокъ, забрасываютъ причудливо округу, теряясь въ дальней полоскѣ горизонта. Ихъ форма—войлочная кибитка, какъ колпакъ. Это тѣ въ давнишнія времена пики, которые всесокрушающее время треплетъ, сглаживая, смывая, выравнивая превращаетъ въ громадныя равнины, въ которыя когда-то превратится весь шаръ земной... Но пока Авратынскіе холмы—горы, и лишь они даютъ глазу столько прелести, чарующіе его, ласкающіе взоръ, томимый однообразіемъ равнинъ Волыни. Но вотъ побѣжали навстрѣчу кіевскія равнины, равнины заправскія. Послѣднія на сотни верстъ развернуты волшебницей природой всюду, куда ни взглянь. Онѣ несутъ въ себѣ толщи чернозема, старательно вспаханнаго, и глазъ напрасно сталъ бы искать здѣсь клочка земли, въ которомъ не была бы разрыта желѣзомъ плуга черная грудь могучаго богатыря... Здѣсь царство черной земли, обширныхъ полей; изрѣдка пробѣгаютъ рощи, сначала только дубовыя, поэтическія, задумчивыя дубравы. Мощно въ нихъ стоятъ огромныя деревья, корепастые и крѣпкіе столѣтніе дубы, лишенные сейчасъ своей красы и лѣта, крѣпкихъ листьевъ. Они валяются у ногъ своихъ владыкъ, плотно устилая долъ, и кажется, нарочно кто-то выстлалъ поверхность всю земли дубовой рощи красной, потемнѣвшей отъ времени, матовой мѣдью, — такъ напоминаютъ лежалые листья дуба по цвѣту мѣдь. Валяются, и мервые у ногъ своихъ владыкъ творятъ для нихъ и ихъ потомковъ жизнь, силу, мощь, незримо превращаясь въ компосты тука такъ же, какъ и тѣ листья, коимъ, быть-можетъ, обязаны были когда-то мощные залежи чернозема, какія, знаемъ мы, существуютъ теперь въ этомъ счастливомъ краѣ. — Чѣмъ ближе къ Кіеву, все больше попадается совмѣстно съ крѣпкимъ дубомъ немощная, но стройная сосна. И страннымъ кажется подобное явленіе. Дубъ—сила, мощь; живетъ онъ долго, растетъ лишь въ черной, жирной землѣ. Сосна—одно безсиліе и немощь; растетъ въ пескѣ, на камнѣ даже; да и живетъ она недолго. Зато стройна сосна, красива. И если увидѣть сосну, тонкую и высоко несущую зеленыя вѣтви, какъ бы кудрявую головку, смѣло вверхъ, а рядомъ съ ней корявый дубъ, весь облѣпленный грязно-зелеными большими лишаями, словно обмазанный замазкой,—тогда лишь кажется необходимымъ дополнить силу, мощь и въ деревѣ изяществомъ и стройностью красоты...

12—14 декабря. Кіевъ. Какой красивый городъ! Сколько въ немъ граціи и прелести, какіе чудные тона и переливы красокъ! Кіевъ весь въ горахъ и въ цвѣтѣ муравы пирамидальныхъ величественно-стройныхъ высокихъ тополей и темной зелени раскидистыхъ, могучихъ и старыхъ-престарыхъ липъ. На этомъ морѣ зелени и муравѣ листьевъ дерева рѣзко выдѣляются причудливыя формы построекъ изъ кирпича, единственнаго въ своемъ родѣ, желтаго, изъ кіевской же глины. Ко всему этому прибавить надо очаровательныя окрестности лѣваго, поемнаго берега Днѣпра, съ широкимъ горизонтомъ (отъ кіевскихъ высотъ), красивой стальной, віющейся широкой лентой съ причудливыми изгибами, величавой рѣки, несущей справа купы горъ изъ желтой глины, слѣва темную зелень громадныхъ сосенъ на желтизнѣ песковъ, съ разбросанными всюду селами, пажитями, нивами. И все это, окутанное прозрачной синей дымкой омытаго дождемъ воздуха, золотыми лучами южнаго нѣжнаго, ласковаго, свѣтлаго, горячаго, добраго, краснаго солнышка насквозь пронизывается, золотится, красится... И стоишь очарованный величіемъ природы, и любуешься, и не налюбуешься ея красой, и кажется, что созерцаешь величіе ея въ какомъ-то, какъ говоритъ Гоголь, блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи... Но такимъ Кіевъ бываетъ въ маѣ и іюнѣ. Однако, величіе не покидаетъ его и въ иное время, даже и тогда, когда въ немъ нѣтъ ни листьевъ ни снѣгу. Красивъ и тогда Кіевъ, особенно съ восточной стороны. Величіе горъ кіевскихъ, черныя деревья, обмытыя сейчасъ выпавшимъ дождикомъ, золотыя маковки монастырей и лавры,—все это толпится, отражаясь въ ледяномъ зеркалѣ замерзшаго и чуднаго Днѣпра воистину волшебнымъ видомъ. Красивъ и такой Кіевъ!...

15 декабря. Мы въ сердцѣ Малороссіи, гдѣ все обильемъ дышетъ, какъ говоритъ поэтъ, въ Полтавской губ. Но прежде, чѣмъ попасть въ нее, надо проѣхать темный боръ, сосновый лѣсъ, старый, старый; видавшій на своемъ вѣку много видовъ, племенъ, народовъ; ютившій въ своихъ нѣдрахъ Соловья-разбойника и много всяческихъ преданій, вымысловъ, что и теперь кружатся и ютятся во множествѣ надъ старой, посѣдѣвшей головой могучаго и дряхлаго старца бора,

опоясавшаго кольцомъ широкимъ и старый Кіевъ. Только теперь видѣнія и вымыслы распугиваютъ со старыхъ сосенъ свистки бѣга-ющихъ здѣсь быстроходныхъ чудищъ, паровозовъ, такъ какъ кіевскій боръ теперь прорѣзали двѣ пары рельсъ изъ стали: на Курскъ и на Полтаву; и вглубь уходятъ лѣса теперь тѣ чудеса, которыми неволь-но проникалась фантазія путника, входившаго съ священнымъ тре-петомъ въ таинственныя нѣдра обильнаго вымыслами стараго сос-новаго бора...

Поѣздъ съ шумомъ выбѣгаетъ изъ-подъ навѣса сосенъ и сразу врѣзывается въ громадныя дюны песку. Эти пески—послѣдніе изъ тѣхъ, что покрываютъ приднѣпровскую часть Черниговской губ. Они быстро исчезаютъ, и ландшафтъ мгновенно измѣнился, какъ только началась Полтавская губ. Здѣсь, куда ни взглянешь, широ-кая равнина въ полномъ и буквальномъ значеніи этого слова. Гладь вправо, гладь влѣво, прямо, сзади — гладь; всюду гладь и вездѣ! Равнина эта вся выстлана жирнымъ черноземомъ. Онъ недавно взоранъ, дождикомъ его смочило, и эти пятна всюду по равнинѣ ка-жутся застланными кусками чернаго - чернаго бархату, окаймлены какъ бы рамой желтизной, оставшимися изъ нажитей стеблями жел-тыми отъ ржи, пшеницы, ячменя и прочихъ злаковъ, растущихъ здѣсь въ рѣдкомъ изобиліи плодовъ кормилицы-земли. Нигдѣ ни кустика ни деревца. Зато жилье человѣка—громадныя деревни (здѣсь село, отъ древняго село, что значитъ поле) тянутся на много верстъ, усажены обильно деревомъ такъ, что издали кажется, будто это рощи, никѣмъ необитаемыя, ютятся на поляхъ безъ жителей и ди-кихъ. Но такъ лишь кажется. На дѣлѣ, деревья — въ громадномъ большинствѣ развѣсистые исполины - ивы, лишь скрываютъ, маски-руютъ жилище человѣка, дѣлая его уютнѣе и привлекательнѣе. А что оно и впрямь привлекательно, сейчасъ мы это и увидимъ.

Темень. Черная мгла окутала всю округу. Совсѣмъ пропали и не различишь отдѣльные предметы; даже тамъ, гдѣ ихъ сейчасъ видѣлъ. Только купы деревьевъ оттѣняютъ громаднымъ темнымъ пятномъ деревню, куда вы ѣдете съ близъ расположеннаго вокзала. Нигдѣ ни звука. Но вотъ, словно изъ темной пасти, блеснулъ гла-зокъ, за нимъ другой и третій. Эти желтыя точки—огоньки на тем-номъ фонѣ закутанныхъ мглою избъ, совсѣмъ невидныхъ, тянутъ къ себѣ незримой силой. Пахнетъ дымкомъ. Слышенъ лай собаки.

Вдругъ цѣлый рядъ огоньковъ запрыгалъ, заигралъ въ два ровныхъ рядышка, и силуэты избъ вышли сразу изъ мрака и стали въ рядъ. Справа большая площадь. На ней будто великаны-люди съ подня-тыми вверхъ руками. То вѣтряныя мельницы отдыхаютъ: намаяв-шись за день, устали ловить степного шумнаго гуляку, крѣпкій вѣ-теръ, и спятъ тяжелымъ, трудовымъ сномъ. Дорога віется узкой черной и чуть-чуть грязной лентой. Колеса экипажа радостнѣе сту-чатъ въ тактъ стуку вашего сердца, и лошади пошли бодрѣе: бли-зокъ очагъ... Вечеръ. Морозно. На небѣ ни облачка. Сейчасъ сошло послѣднее, за которое опускался красный какъ макъ большой шаръ огненнаго солнца. Деревня затихаетъ. Ее всю, словно колпакомъ, закрыло агатомъ, сводомъ неба. На немъ заиграли звѣздочки. Господи! сколько ихъ, не перечтешь. На горизонтѣ показалась ве-черняя звѣзда. Крупная, круглая, величиною съ грецкій орѣхъ, она шлетъ во всѣ концы широкіе лучи бѣлаго, яркаго свѣта. Какая краса! Сдается, вѣкъ бы смотрѣлъ и глазъ не отрывалъ отъ этой прелести. А звѣзда какъ бы чувствуетъ, что она чаруетъ взоръ людей, и еще свѣтлѣе, еще чище блещетъ переливами сверкающаго изум-руда... А кругомъ невидимая рука зажигаетъ одну за другой звѣздоч-ки еще больше, и онѣ горятъ тихо, ярко, таинственно, горятъ огнемъ глазъ, лика Божіихъ, и освѣщаютъ обрамленную деревомъ затихшую деревню, мало-помалу окутываемую темнымъ покрываломъ ночи...

Еще картинка. Снѣгъ, всюду снѣгъ, много снѣгу! Бѣлый, мягкій, пушистый, лебяжій. Солнце свѣтитъ ярко, и снѣгъ оттого еще свѣтлѣе. Крупинки алмазовъ блещутъ на дорогѣ, хворостѣ, при-крытомъ снѣгомъ—тамъ такъ уютно воробьямъ пѣть ихъ нехитрыя пѣсни, на кровляхъ избъ, закрытыхъ тѣмъ же снѣгомъ, всюду, гдѣ есть снѣгъ. То лучъ солнца играетъ въ кристаллахъ снѣжинокъ. Имъ весело, раздолье! Есть гдѣ попрыгать, порѣзвиться, натѣ-шиться. А на деревьяхъ всѣ вѣтки убраны пушистымъ инеемъ, и дерево стоитъ все въ бѣломъ подвѣнечномъ нарядѣ, красивомъ, чу-десномъ, блестящемъ, праздничномъ; красуется красой природы, такъ щедро и заботливо убравшей своихъ любимцевъ. Верхи ихъ алѣютъ отъ багрянца ласковаго солнца, и дерево еще больше ста-новится схожимъ съ невѣстой въ вѣнчальной одеждѣ... Морозъ чуть-чуть шуршитъ. Воздухъ тихъ и прозраченъ. Небо чисто, залито все темною лазурью.

Однако, какъ ни хорошо въ деревнѣ, ее надо все же оставить.

20 декабря. Полѣсье. Громаднѣйшій въ мірѣ бассейнъ Припяти заключаетъ въ себѣ такое количество рѣкъ и рѣченокъ, что ихъ не только трудно помнить названія, но трудно перечесть. И всѣ онѣ медленно несутъ темныя воды свои, снабжая ими лѣнивую, раздобрѣвшую Припять такимъ количествомъ, какое хватило бы для питанія пожалуй любого моря. Вся обширнѣйшая площадь Припяти лежитъ на глинѣ, и эта послѣдняя держитъ воду на поверхности земли, образуя мощныя, суровыя Пинскія болота. Какой это дѣйствительно суровый край! И сколько въ немъ напрасно и безъ пользы теряется воды.—Прежде, чѣмъ попасть въ болота, надо проѣхать значительную часть преддверія болотъ, Полѣсья, начало коего въ верховьяхъ Случи. Здѣсь, однако, равнины Полѣсья носятъ шаблонный характеръ, ничего нѣтъ выдающагося, оригинальнаго; земля лишь приправлена песочкомъ, да такъ, что въ прогалинахъ, среди большихъ лѣсныхъ порослей, лежатъ куски, будто посыпанные мукой, такой странной бѣлизны здѣсь почва. Чѣмъ дальше вверхъ по Случи, тѣмъ больше и больше появляются пески—холмы, пески—равнины, придавая округѣ непріятный и мертвый видъ. И такъ все до начала знаменитыхъ болотъ. Имъ собственно можно считать сліяніе Горыни съ Случью. Здѣсь и начинается обширное царство болотъ, воды; воды, куда ни взглянь. Тоскливое чувство испытываешь при видѣ пространствъ широкихъ влаги, какой хватило бы вдосталь и Сахарѣ. Помню, давно когда-то видѣлъ я картинки, изображавшія „Полѣсскіе будни“. Ихъ было много, что рисовали ярко нехитрую обстановку этихъ водяныхъ пустынь. Но одну я помню хорошо и теперь. Это убогая обстановка мужицкой избы, на всѣхъ мелочахъ которой висятъ власть и сила здѣшняго водяного бога—влаги. Тамъ, помню, былъ изображенъ мужикъ, чинившій хомутъ, а близъ него мальчонко, возившійся не то съ котомъ, не то съ игрушкой. Но на всемъ этомъ живомъ хламѣ нѣтъ ни волоска жизни, нѣтъ движеній; люди застыли въ своихъ неподвижныхъ позахъ; застыла съ ними ихъ работа, ихъ игрушки; застыла изба, вся нехитрая обстановка ея, все застыло, какъ бы разбавленное водою мертвящей влаги. И когда я проѣзжалъ болотныя пустыни Припяти, эти будни воскресли передо мной какъ живые, и я сразу почувствовалъ застывшій страшный ужасъ позъ и движеній живого существа, задавленнаго тисками водяной природы... И сразу стало тяжело, тоскливо отъ ужасовъ природы, и грустно. Ой, какъ грустно! Хотѣлось бы скорѣй, скорѣй отсюда унестись, на крыльяхъ птицы; а поѣздъ плыветъ по мглѣ болотъ часъ, другой, третій, отмѣряя десятки, сотни верстъ. Надо было смотрѣть на эту мертвечину, болота и отмѣчать ихъ разнообразіе. Прежде всего они невсюду сплошное море воды. Въ большинствѣ вода—это небольшія озера (хотя, правда, иногда въ версту есть ихъ площадь), и она всегда маскируется всевозможнаго рода порослью: шершавыя осоки, низкорослые и тонкіе камыши, бѣдныя и чахлыя деревья встрѣчаются всюду. Я говорю, бѣдныя деревья, ибо большей насмѣшки надъ красой природы, деревомъ, со стороны той же природы въ болотахъ трудно допустить. Напрасно мы стали бы искать въ болотахъ стройную, высокую, кудрявую сосну. Она здѣсь корявая, низкорослая, съ кривыми изломанными сучьями, одинокая: только и увидишь ее гдѣ-либо на бугоркѣ, выбѣжавшемъ изъ тины болота, чтобъ пріютить сиротку - сосенку. А то вотъ „роща“ сосновая. Но, Боже, что это за роща! Робко жмутся другъ къ дружкѣ тоненькія (какъ свѣчки), низенькія (не болѣе двухъ аршинъ) деревца, совсѣмъ безъ вѣтокъ, и только макуша прикрыта двумя-тремя вѣточками, прехитро взброшенными вверхъ; черезъ это деревья смотрятъ такъ смѣшно, будто это качаны цвѣтной капусты. Встрѣчаются деревья и побольше; но не смотрѣлъ бы глазъ на нихъ. Большія деревья трупами, черными какъ уголь, лежатъ мертвецами въ грязной тинѣ болотъ, сваленныя временемъ и вѣтромъ: въ болотѣ у нихъ нѣтъ опоры. Сучья ихъ и вѣтви разбросаны по сторонамъ. Иногда дерево выворочено съ корнемъ, и лежитъ, поднявшись высоко на корняхъ, словно паукъ на длинныхъ тонкихъ лапахъ. А то еще стоятъ одни стволы деревьевъ безъ кронъ и безъ коры, большіе, и много ихъ. И сдается, что видишь передъ собой какое-то заколдованное царство стоящихъ труповъ когда-то жившихъ живыхъ существъ. — Цвѣтъ дерева подобенъ болоту, сѣрый, грубый. Все дерево, кора на немъ, изъѣдено до смѣшного лишаями, они одни какъ будто вольготно здѣсь живутъ, и только сосна свободна отъ этого ужаснаго бича болотъ. Но и сосна здѣсь не красится красой своихъ подругъ въ мѣстахъ привольной жизни; она блѣдна, и стволъ сосны здѣсь не красный, а оливковаго цвѣта, скорѣе даже сѣрый, подъ цвѣтъ тоновъ болота. Болото, какъ сказано, не вездѣ одинаково; но

вездѣ оно сморщено, покрыто бородавками-кочками, вездѣ на немъ отдушины-ямы воды, покрытыя сейчасъ талымъ льдомъ, словно пятна разлитой сметаны. Оригинальны на болотѣ кочки. Вотъ онѣ желтыя ноздреватыя, грязныя, малыя. Какъ будто кто набросалъ множество грязныхъ губокъ и натыкалъ въ нихъ по тонкой низкой сосенкѣ. А то вотъ эти кочки; черныя-пречерныя, онѣ окружены бѣлой водой, и кажется, комья густой сажи лежатъ на бѣлой скатерти. А тамъ видны большія круглыя и красныя бородавки на мягкомъ рыхломъ лицѣ цвѣта печенаго яблока. Это тѣ же болотныя кочки, да только видъ ихъ другой. И такъ всюду, вездѣ, пока не кончатся и не побѣгутъ притоки къ Припяти съ сѣвера и юга; пока не кончатся всѣ эти сѣрыя Дятловичи, Мальковичи, Гонцевичи, Барановичи, Ляховичи, Ѳедьковичи и иныя станціи, а съ ними деревни угрюмыя, мокрыя, деревянныя, словно вымазанныя сыростью, пропитанныя насквозь влагою; пока не кончатся и ихъ обитатели тоже сѣрые (по одеждѣ), угрюмые, апатичные, словно въ жилахъ течетъ та же вода, что въ ихнихъ безграничныхъ, скучныхъ, тоскливыхъ болотахъ.

Какъ только закончилась сѣверная часть водораздѣла бассейна Припяти, сейчасъ пошли настоящіе лѣса сосновые, изъ высокой, рослой, крупной и красной сосны. Глазъ отдыхалъ на заросли изъ настоящаго дерева; пошли ели, да такія стройныя, какихъ доселѣ нигдѣ ни видно было. Прогалины здѣсь пашутся; почва красная, красныя глины; причемъ глины подкрашиваютъ даже зелень озимей. И такое сочетаніе красокъ довольно оригинально. Здѣсь встрѣчаются въ поляхъ стога хлѣба, сложенные забавно. Низкіе и приземистые, эти стога стоятъ на четырехъ подставкахъ, словно боятся утонуть въ водѣ, и издали напоминаютъ приподнявшихся неуклюжихъ черепахъ.—За Нѣманомъ показались абрисы холмообразныхъ Прибалтійскихъ горъ, окутанныхъ зарослями сосновыхъ рощъ, живо напоминающіе предгорія Волыни. Мы въ предѣлахъ Виленской губ. Здѣсь природа мѣняется; болотъ ужъ нѣтъ, а мелкій камень на поляхъ говоритъ, что приближаемся къ сѣверу, который когда-то былъ прикрытъ мощнымъ ледникомъ, расползавшимся по значительной части пространства сѣверо-западной Россіи, нѣмыми свидѣтелями существованія коего остаются эти камни; сначала мелкіе, но чѣмъ дальше на сѣверъ все крупнѣе и крупнѣе. Короче сказать, близокъ сѣверъ; однако,

невзирая на это, моросить дождикъ; ночь своимъ покровомъ заволакиваетъ округу. Поздно.

21 декабря. С.-Петербургъ. Пошла Петербургская губ. Передъ Лугой я поднялъ занавѣску отъ окна и былъ пораженъ громадами бѣлаго лебяжьяго пуху, снѣгу. Снѣгъ окутывалъ все, что можно было, такими причудливыми формами, что иной столбикъ казался разодѣтымъ какъ любой путникъ въ морозъ. Снѣгъ всюду. Купы готовыхъ, распиленыхъ дровъ прикрыты какъ бы ящиками, бѣлыми, бѣлыми, словно ихъ чистила заботливая рука домовитой хозяйки. Избы, желѣзнодорожныя постройки, шлагбаумы—все это задавлено свѣжимъ, бѣлымъ, точно молоко, мягкимъ снѣгомъ. Скоро разсвѣло. Стало возможнымъ разобраться во всемъ, что было старательно и тщательно прикрыто снѣгомъ. Больше всего было дерева. Да какого! Это были знаменитыя гатчинскія ели: стройныя, тонкія съ ажурной — мнѣ хочется сказать — граціей, онѣ несли свои вѣточки вверхъ такъ, какъ будто собирались протиснуться сквозь тѣснины узкимъ кольцомъ окружающихъ березъ, осины, другихъ деревъ, чтобъ не скомкать своего убраннаго изумрудами наряда... А то вдругъ покажется вся изъ елей роща на большомъ и значительномъ протяженіи. И тогда онѣ, нарядно одѣтыя прихотливой старушкой-портнихой, зимой, всѣ бѣлыя отъ снѣгу, кажутся съ большими широкими и длинными листьями какъ пальмы, но только сѣверныя, бѣлыя. И взоръ не можетъ оторваться отъ этихъ фантастическихъ лѣсовъ изъ бѣлыхъ пальмъ. До Гатчины бѣлые лѣса не перестаютъ толпиться по обѣимъ сторонамъ полотна и, словно очарованныя, дивятся плавно несущемуся на всѣхъ парахъ поѣзду. Лишь изрѣдка попадаются на лѣсныхъ опушкахъ небольшія деревни съ русскими красивыми избами, непремѣнно каждая изба со свѣтелкой, такъ оригинально красящей каждую избу. За Гатчиной начались болотные пустыри (отъ Гатчины до Петербурга 42 версты), и только телеграфные столбы, снующіе по всѣмъ направленіямъ болотъ, говорятъ о близости столицы. У деревни Четыре Руки мы переѣхали первый русскій меридіанъ, шоссе, соединяющее Пулковскую обсерваторію съ Петербургомъ. Пулково въ 12 верстахъ отъ Петербурга, соединено съ нимъ шоссейною дорогою, которая математически точно проложена по первому русскому меридіану. Дорога обсажена деревьями, и эта аллея собственно и совпадаетъ съ меридіаномъ.

Скоро поѣздъ врѣзался въ дебаркадеръ Варшавскаго вокзала, и мы очутились въ Петербургѣ.

Немножко жутко очутиться въ городѣ съ милліоннымъ населеніемъ да еще въ жестокую стужу. Говорю, жестокую, ибо въ Вильнѣ насъ мочило дождикомъ, и онъ надоѣдливо барабанилъ въ стекла вагоновъ. Въ Лугѣ было около 5^0 мороза, и капли дождя, оставшіяся на стеклахъ оконъ вагоновъ, застыли какъ слезы, словно природа плакала, провожая нашъ поѣздъ въ царство стараго сѣдого дѣда, именуемаго Морозъ-Красный носъ. И дѣйствительно, едва я вышелъ изъ вокзальнаго помѣщенія, а онъ, сердитый дѣдъ, началъ свое дѣло, привѣтствуя братски поцѣлуемъ въ щеку и въ лобъ, дернулъ за ухо, какъ будто мои уши раздражали старика. Мы поѣхали. Ѣхали очень долго. Въ Петербургѣ разстояніями никого не удивишь, и никто ими не стѣсняется. Лошадка довольно бодро шла впередъ, а я глядѣлъ по сторонамъ. Не скажу, чтобъ столица, заваленная насквозь, если можно такъ выразиться, снѣгомъ и почти замороженая, производила на смотрящаго ее впервые сразу впечатлѣніе съ населеніемъ свыше милліона. Правда, движеніе на второстепенныхъ улицахъ (мы больше ѣхали ими) чрезвычайное; но дома сѣры, ординарны, и только такія вывѣски какъ „десятая гимназія“, „двѣнадцатая гимназія“, а затѣмъ показавшіеся монументы, памятникъ „Славы“ и др., говорили, что у насъ городъ не обыкновенный. Зато, когда мы въѣхали на главную артерію столицы, тутъ ужъ дѣло стало яснымъ, что я въ столицѣ. Аничковъ мостъ, его эффектныя лошади, которыхъ старательно придерживаютъ всадники, Аничковъ дворецъ, гдѣ проживалъ покойный Императоръ Александръ III, громадныя зданія, чрезмѣрное движеніе по улицѣ, словно въ муравейникѣ,—заставили немножко съежиться, сознать ничтожество пылинки въ дюнѣ песку...

Нѣтъ сомнѣнія, что Петербургъ, эта сѣверная Венеція, неимовѣрно громаденъ. Не по количеству и числу жителей онъ громаденъ; нѣтъ, онъ громаденъ по пространству необъятныхъ площадей, обширныхъ храмовъ, монументальныхъ дворцовъ, широкой, царственной Невы, большихъ казармъ. Здѣсь все въ широкомъ масштабѣ: и жилье человѣка, и деньги, и морозъ, и туманъ, и вѣтеръ. Мало только свѣту, мало воздуху. И черезъ это вся красота столицы какъ бы затянута въ вуаль волшебницей-зимой, ревниво оберегающей ея красу отъ взгляда пріѣзжаго. Въ самомъ дѣлѣ, 23 декабря въ Петербургѣ солнце встало въ 8 ч. 59 м. утра, а скрылось въ 3 ч. 12 м. дня. Да и это въ сущности иперболa: его не видно было ни на одну минуту; его то окутывалъ туманъ, то скрывали хлопья снѣга, цѣлыми роями бѣлыхъ пчелъ летавшаго такъ, какъ летаютъ лишь настоящія пчелы, когда молодь гонятъ изъ улья старики. И не знаютъ молодыя, куда летѣть, куда укрыться, гдѣ отыскать себѣ пристанище, жилище. Толкутся взадъ, идутъ впередъ, летятъ къ родному уголку, и не находятъ въ немъ пріюта; стремятся вверхъ, оттуда внизъ, и такъ, пока не полетятъ, умаявшись, стремглавъ комкомъ на первый встрѣчный бугорокъ, отъ дерева ли, или какой-нибудь сломившейся тычинки... Небо видно было лишь мигъ единый, да и то ночью. Но лучше бы его и не видать. Это какое-то молочно-зеленое, грязное, истрепаное покрывало, на которомъ — въ буквальномъ смыслѣ слова—пришиты вмѣсто звѣздъ небольшія мѣдныя, круглыя выпуклыя, обвислыя пуговицы кое-какъ, небрежно, на живую нитку. Поясъ Оріона, тотъ дивный „поясъ“, блещущій рѣдкими алмазами, бросающій снопы фіолетовыхъ лучей на югѣ,—здѣсь былъ настолько ничтоженъ, тусклъ, убогъ и жалокъ, что я его несразу узналъ: такимъ своего любимца я не привыкъ видѣть въ степяхъ широкихъ, краяхъ веселыхъ родного юга. А морозы въ Петербургѣ скачутъ такъ, какъ едва ли гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ нашего отечества. Послѣ — 15^0 въ теченіе дня 22 декабря, въ воскресенье утромъ 23 декабря термометръ показалъ + 2, и пошелъ дождикъ. Зато какъ чудно разукрасилъ морозъ, смѣнившійся оттепелью, свой Петербургъ! Колонны Исаакіевскаго собора были имъ закованы чистымъ серебромъ, и блистали матомъ такъ, что казались красивѣйшими отъ всѣхъ самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ мрамора. Всѣ монументы одѣлись въ чистѣйшей бѣлизны чудеснѣйшія тоги. Камни всѣ, гранитъ, льды, оковавшіе широкую рѣку, безчисленные каналы — казались осыпанными рукою природы прихотливой опилками изъ стали. Да и не одна природа краситъ Петербургъ: широкія прямыя улицы, безконечные каналы, Нева, дворцы и храмы, — все это такъ или иначе дѣло рукъ человѣка, и природа сѣвера лишь придаетъ своеобразный видъ нашей сѣверной Венеціи. Конечно, въ ней нѣтъ нѣжноголубого неба послѣдней, глубоко-глубоко идущаго вверхъ; въ ней нѣтъ всегда живыхъ и вѣчно-плещущихся струй лазури водъ каналовъ счастливой нѣги юга, итальянской Венеціи. Однакъ и у насъ средь холода

и оковъ мороза нѣтъ-нѣтъ, да и проглянетъ горячая фантазія дивнаго юга: въ сочельникъ я переѣзжалъ черезъ мостъ на Мойкѣ, надъ которымъ красуется надпись: „Мостъ Поцѣлуевъ".

Сдѣлаемъ все же обзоръ видѣннаго нами въ Петербургѣ. Съ Невскимъ проспектомъ мнѣ пришлось познакомиться давно, такъ эффектно воспроизведеннымъ, кажется, на полотнѣ Айвазовскаго. Много разъ я проходилъ по этой чудесной улицѣ, и многія черты полотна мгновенно воскресали предо мною. Не было лишь одного: золотыхъ сноповъ сѣвернаго зимняго солнца, когда оно алымъ лучомъ брызжетъ, какъ пятна крови, по синему туману, клубами подымающемуся вверхъ отъ струй-дыханій мороза, прихотливо бросающаго ихъ по громадамъ домовъ, плавно уходящихъ въ лазурную даль, кутающихъ въ дали голубой золотую адмиралтейскую иглу.. На Невскомъ проспектѣ всегда пульсъ бьется усиленнымъ аллюромъ и кажется пора сутокъ рѣшительно не играетъ въ немъ никакой роли: всегда шумно, гулко, людно, красиво. Вереница саней тянется вплотную по обѣимъ сторонамъ улицы. Снѣгъ шумитъ и движется. Окликъ извозчиковъ нарушаетъ эту музыку, придаетъ ей своеобразный колоритъ. А вечеромъ, когда волны бѣлаго мягкаго свѣта меланхолически заливаютъ всю округу,—тогда кажется, будто слѣдишь за быстро мѣняющимися волшебными картинами какой-либо шехерезады.— Къ Невскому проспекту примыкаетъ величественный Казанскій соборъ, поражающій множествомъ колоннъ, расположенныхъ широкимъ полукругомъ. Эти колонны напоминаютъ храмы древнихъ, а изъ нынѣшнихъ вызываютъ въ представленіи по сходству храмъ, который красуется въ Севастополѣ, близкій точной копіей къ древнему храму Тезея, и храмъ св. Петра въ Римѣ. Послѣдній, какъ извѣстно служилъ образчикомъ для Казанскаго собора. На Казанской площади передъ соборомъ монументы Кутузова (извозчикъ, который возилъ меня по Петербургу наканунѣ Рождества Христова и который ѣздитъ и живетъ въ городѣ 22 года, пояснилъ мнѣ, что это-де „Василей Грозный") и Барклая де Толли. Казанскій соборъ весьма вмѣстителенъ, и въ немъ висятъ трофеи, отнятые у французовъ: 106 знаменъ (отъ нѣкоторыхъ сохранились одни лишь древка), жезлъ маршала Даву, ключи городовъ и крѣпостей и пр. Главный алтарь въ храмѣ сооруженъ изъ серебра, отнятаго въ 1812 г. казаками у французовъ. — Но едва ли есть гдѣ-либо какой храмъ обширнѣе

Исаакіевскаго собора. Это дѣйствительно нѣчто грандіозное и могущественное, и одно изъ замѣчательнѣйшихъ сооруженій въ мірѣ, заключающее въ себѣ величайшія сокровища строительнаго искусства и живописи. Къ сожалѣнію, зимой соборъ совершенно темный. Въ 12 часовъ дня во время литургіи такъ темно, что кажется, будто присутствуешь на всенощной. Зато какое здѣсь богатство камня! Исаакіевскаго собора синія колонны изъ дивнаго ляписъ-лазули считаются единственными въ свѣтѣ и стоятъ онѣ громадныхъ денегъ. Противоположность по величинѣ Исаакіевскому собору храмъ Воскресенія Христова, строющійся на набережной Екатерининскаго канала, гдѣ палъ жертвой ужаснаго взрыва императоръ Александръ II. Въ миньятюрѣ этотъ храмъ напоминаетъ храмъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ, и выдержанъ въ строго русскомъ стилѣ. Снаружи храмъ совсѣмъ готовъ, но внутри (мнѣ совершенно случайно удалось побывать въ немъ) весь въ лѣсахъ, такъ какъ здѣсь идутъ спѣшныя работы по устройству живописи. Этотъ храмъ по всей вѣроятности будетъ также единственнымъ по характеру изображенія святыхъ. Дѣло въ томъ, что въ храмѣ вся живопись будетъ замѣнена мозаикой, и не только живопись, но и всѣ украшенія будутъ исключительно мозаическія. Судя по тому, что удалось мнѣ видѣть, храмъ будетъ производить сильное впечатлѣніе, ибо всѣ мозаическія изображенія несомнѣнно будутъ не только художественны, но и оригинальны.—Мѣсто, на которомъ палъ императоръ, находится подъ колокольней, а входы и выходы будутъ устроены такъ, что всѣ входящіе въ храмъ и выходящіе изъ него будутъ проходить мимо этого мѣста, предъ которымъ будетъ стоять аналой. Здѣсь на стѣнѣ изображено мозаикой „Снятіе Іисуса Христа со креста и положеніе во гробъ". Это будетъ unicum мозаическаго искусства.

Не меньшую достопримѣчательность столицы составляютъ украшающіе ее монументы-памятники прошедшаго царямъ, царицамъ, героямъ родины. На меня сильное впечатлѣніе произвела мощная фигура Петра Великаго на бѣшенно взвившемся на дыбы конѣ, какъ бы застывшая въ невольномъ ужасѣ удивленія отъ взора на красу и диво своей разросшейся столицы, этотъ дивный пушкинскій „Мѣдный всадникъ". Какой размахъ, какой полетъ фантазіи художника, сумѣвшаго однимъ движеніемъ рѣзца дать мѣди жизнь, вдохнуть въ металлъ коня и всадника порывъ фантазіи чудесной,

вѣчной!.. Монументъ высится на Сенатской площади, къ Невѣ. Рядомъ Дворцовая набережная направо, налѣво Англійская набержная. Здѣсь собственно и сосредоточено все, что замѣчательнаго въ Петербургѣ по части жилья человѣка, лучшія произведенія строительнаго искусства, архитектуры. Здѣсь находится замѣчательно выдержанный въ стилѣ возрожденія Зимній дворецъ, а Англійская набержная — сплошное море богатѣйшихъ построекъ петербургской знати. Эффектенъ дворецъ великаго князя Павла Александровича, оригиналенъ дворецъ в. к. Алексѣя Александровича, могучъ мраморный дворецъ в. к. Владимира Александровича, монументаленъ эрмитажъ, дворецъ в. к. Михаила Николаевича, принца А. П. Ольденбургскаго. Аничковъ дворецъ и дворецъ в. к. Ксеніи Александровны находятся вдали отъ Невы, у Аничкова моста. — Михайловскій дворецъ занятъ нынѣ музеемъ императора Александра III. Дворецъ этотъ представляетъ изъ себя нѣчто, выходящее изъ ряда обыкновеннаго. Помимо своего изящества, внутренней граціи и прелести, въ немъ собрано все, выдающееся по живописи прежнихъ и нынѣшнихъ русскихъ художниковъ. Здѣсь исторія русской живописи какъ на ладони, живописи молодой, прожившей много-много сотню лѣтъ, но живописи, достигшей высоко-художественной, идеальной экспрессіи, рѣдкаго совершенства, живописи знаменитой и среди знаменитыхъ маэстро итальянской, фламандской школы и иныхъ. И эта живопись, какъ въ фокусѣ лучи, собрана въ музеѣ императора Александра III. Всякому, кто даже случайно очутится въ Петербургѣ, необходимо познакомиться съ чудомъ русской живописи, какъ я хочу назвать музей императора Александра III, хотя бы поверхностно, въ общихъ чертахъ. Впрочемъ, я убѣжденъ, всякъ, кто хоть случайно зайдетъ въ музей, не въ силахъ будетъ выйти отсюда, пока не высмотритъ и не увидитъ все, что здѣсь есть. Такъ очаровываетъ насъ смертныхъ геній искусства, одного изъ совершеннѣйшихъ — живописи, всякого, кто разъ впадетъ во власть его, теперешней сирены, которая (этимъ она и отличается отъ прежней своей тезки) лишь сладко-сладко чаруетъ насъ своимъ волшебнымъ блескомъ, игрою, переливомъ цвѣтовъ и красокъ, внѣдряясь часто прямо въ сердце и задѣвая въ немъ нѣжныя, чувствительнѣйшія струны...

Чтобъ не быть голословнымъ, я укажу лишь на XXV залъ (ихъ всѣхъ 36, а картинъ до 1700 номеровъ), гдѣ собраны громадныя и единственныя въ своемъ родѣ полотна: Смирновъ. Смерть Нерона; Семирадскій. Христосъ у Мареы и Маріи, Грѣшница, Фрина; Рѣпинъ. Николай Чудотворецъ, Садко, Запорожцы, сочиняющіе письмо турецкому султану; Айвазовскій. Волна, Сотвореніе міра; Маковскій. Поцѣлуйный обрядъ; Котарбинскій. Оргія; Бруни. Моленіе о чашѣ; Суриковъ. Ермакъ и др. Всѣ эти произведенія, отъ одного лишь перечня именъ ихъ авторовъ, говорятъ, что нигдѣ ничего подобнаго мы не увидимъ; а по идеальной компановкѣ (напр., Запорожцы Рѣпина), замѣчательной жизни, бьющей здѣсь всюду ключомъ съ шумомъ, мощно, какъ фантастическій фонтанъ, вполнѣ не оцѣнимъ художественныхъ сокровищъ, если минуемъ этотъ „пантеонъ“ русскаго искусства.

26 декабря. Зимній дворецъ. Эрмитажъ. 23 декабря я имѣлъ возможность получить увѣдомленіе о назначенномъ для членовъ XI съѣзда естествоиспытателей и врачей осмотрѣ Императорскаго зимняго дворца и Императорскаго эрмитажа по повелѣнію Ихъ Императорскихъ Величествъ. Были открыты Іорданскій и Эрмитажный подъѣзды съ набережной, и къ 12 ч. дня потянулись вереницы саней, а въ нихъ со всей Руси великой, необъятной тѣ, кто удостоился зова Державныхъ Хозяевъ для осмотра царскаго жилья. Залы дворца сразу наполнились публикой, числомъ 3500 человѣкъ. И начался осмотръ. Съ чувствомъ глубокаго умиленья всходилъ я по ступенямъ широкой мраморной лѣстницы въ жилище царское, гдѣ исторіи слѣды начертаны, можно сказать, всемѣстно, на частицѣ всякой обширнаго жилья. Грандіозное и трогательное впечатлѣніе производятъ обширнѣйшіе залы: Николаевскій, Георгіевскій, Гербовый, и особенно блестящъ первый, гдѣ попреимуществу бываютъ торжественные пріемы, балы и т. д. Свѣту и воздуху множество. Всѣ стѣны обширныхъ помѣщеній украшены картинами, которыя съ половины XVIII ст. до конца XIX изображаютъ всѣ битвы въ Россіи и Европѣ, гдѣ прославились и русскіе вожди и проявился закалъ и мощный духъ русскаго солдата. Здѣсь увѣковѣчены всѣ нечеловѣческія чудеса суворовской храбрости и есть такой эпизодъ. Небольшая ложбинка-ровъ, черезъ которую, однако, нельзя перевезти безъ мостика тяжелаго орудія. И вотъ во рву легли живые люди, и по нимъ пошли сначала лошади, на которыхъ сидятъ также люди, потомъ пошли колеса тяжелаго лафета, который поддерживаютъ

опять люди. Эта картина такъ и называется: „Живой мостъ“. Картины, изображающія славу военныхъ дѣлъ, доходятъ лишь до 1878 года, когда эта слава достигла высотъ, доселѣ неизмѣримыхъ, и дала рядъ великихъ дѣлъ. Дальнѣйшее ея движеніе прекратилось, такъ какъ въ царствованіе императора Александра III и нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая II войнъ не было.—Одно изъ важныхъ мѣстъ во дворцѣ придворная церковь, выдержанная въ стилѣ возрожденія (напоминаетъ Андреевскую церковь въ Кіевѣ), а также комнаты императора Александра II. Сюда проникаешь въ особомъ настроеніи, такъ какъ здѣсь все такъ и осталось, какъ было 20 лѣтъ тому назадъ, въ годину смерти императора. И даже здѣсь тотъ же камердинеръ, который служилъ покойному царю. Комнаты эти обставлены чрезмѣрно просто, и ничѣмъ не обнаруживаютъ своего державнаго властителя. Лишь большой портретъ Жуковскаго на видномъ мѣстѣ въ рабочемъ кабинетѣ да среднихъ размѣровъ художественный бюстъ поэта въ креслѣ изъ бронзы — говорятъ о томъ, кто здѣсь жилъ. Сукно на столахъ, конторкѣ и др. осталось то же, а на письменномъ столѣ въ пепельницѣ двѣ папиросы, одна выкуренная, другая лишь начатая, послѣднія, къ которымъ прикасались губы царя. На нѣкоторыхъ столикахъ лежатъ бѣлые свернутые носовые платки, положенные такъ, какъ лежали, когда императоръ въ послѣдній разъ уѣхалъ изъ дворца. Здѣсь же, въ рабочемъ кабинетѣ за колоннами, стоитъ простая черная желѣзная кровать, а за ней комната, въ которой царь молился. Это вся повседневная жизнь великаго царя. Прибавлю, что въ такъ называемомъ учебномъ кабинетѣ находится простой бритвенный приборъ (императоръ всегда брился безъ посторонней помощи), въ рабочимъ кабинетѣ портреты императрицы Маріи Александровны, августѣйшихъ дѣтей, серебряное дерево, на которомъ (это дерево изготовлено по случаю исполнившейся серебряной свадьбы) портреты - медальоны царскихъ дѣтей, и кресло, простое, малое, обитое обыкновенной фіолетоваго цвѣта кожей, на которомъ царь и умеръ. Теперь на немъ лежитъ осиротѣлая старая потертая шинель, съ которой императоръ никогда не разставался во время своихъ многихъ и замѣчательныхъ трудовъ въ тиши кабинета.

Богатства зимняго дворца неисчислимы. Гобелены - ковры, гобелены - обои единственные въ своемъ родѣ. Бронза, бархатъ, хрусталь кажутся фантастически-сказочными по величинѣ, качеству, рисунку. Колонны изъ бѣлаго, нѣжнаго, блестящаго, какъ бѣлое зеркало, и дорогого мрамора. Мебель вся безусловно стильная, художественной работы, и по рисунку соотвѣтствуетъ характеру убраныхъ ею залъ, гостиныхъ, кабинетовъ. Роскошнымъ кажется среди моря комнатъ зимній садъ изъ громаднѣйшихъ пальмъ, среди которыхъ поютъ веселыя и беззаботныя пѣсни невидимыя канарейки. Видъ изъ дворца величественный. Съ покоевъ, расположенныхъ по фасаду дворца, красуется широкая дворцовая площадь съ великолѣпною Александровскою колонною, а съ противоположной стороны широкая Нева, закованная теперь въ глыбахъ льда, чаруетъ взоръ, оттѣняя на правомъ берегу громады биржи, Петропавловскую крѣпость, всю Петербургскую сторону. — Рядомъ съ зимнимъ дворцомъ находится эрмитажъ, съ которымъ дворецъ соединенъ большими свѣтлыми переходами - коридорами. Здѣсь ужъ воистину храмъ славы прежняго, живописи, искусства. Въ немъ находится удивительнѣйшая, такъ называемая Петровская галлерея, гдѣ все собрано достопримѣчательнаго изъ жизни перваго русскаго труженика - императора. Маски царя, снятыя въ день смерти Петра В., говорятъ, насколько сильны были измѣненія, даже въ такомъ могучемъ организмѣ, какимъ обладалъ „вѣчный на тронѣ работникъ“. Рядомъ портреты царя на смертномъ одрѣ, мало напоминающіе того Петра В., котораго мы видимъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и мощи. Въ Петровской галлереѣ находятся экипажъ царя, знаменитая дубинка-палка, изображеніе государя въ видѣ восковой фигуры, разныя работы государя и т. д. Словомъ, здѣсь все говоритъ о дѣлахъ, хотя и давно минувшаго, но тѣмъ не менѣе дѣлахъ великихъ, дивныхъ, которыя всегда будутъ напоминать человѣчеству о величіи и славѣ славнаго и великаго перваго русскаго императора.

Рядъ другихъ галлерей знакомятъ насъ съ портретами русскихъ царей со времени Алексѣя Михайловича, и такимъ образомъ предъ нами въ нихъ вся новая и новѣйшая русская исторія. Цѣлая серія портретовъ изображаетъ Екатерину II съ чрезвычайно характернымъ выраженіемъ лица, какое мы напрасно бы старались найти во всѣхъ многочисленныхъ снимкахъ съ портретовъ, которые во множествѣ встрѣчаемъ всюду. Царь Петръ, всѣ его дѣти, знаменитая супруга царя и императрица Екатерина I, какъ живые проходятъ

предъ взоромъ наблюдателя. А вотъ цѣлый рядъ снимковъ съ императора Павла I, и особенно выдается портретъ Павла I въ бриллiантовой коронѣ, рядомъ съ портретомъ своей царственной супруги съ замѣчательно живымъ и чрезвычайно ласкающимъ неимовѣрной симпатiей взоромъ, выдающейся красоты, императрицы Марiи Өеодоровны. Вся та доброта сердца, которая сопуствовала Марiи Өеодоровнѣ всю жизнь, какъ бы выливается въ ея добрые, радостные, словно изъ агата глаза царицы...

Наконецъ мы въ области классическаго художественнаго творчества, гдѣ имена Рафаэля, Корреджьо, Рубенса, Ванъ-Дейка и др. Здѣсь прежде всего конечно красуются мадонны, тѣ мадонны, которыя теперь цѣнятся на вѣсъ золота, или, если позволено и умѣстно такъ выразиться, золотыя мадонны. Да, именно, золотыя. Языкъ нѣмѣетъ и не въ силахъ передать всѣхъ тѣхъ узоровъ роскоши, какiе исплели талантъ и генiй, возведши въ перлы творчества бездушный матерьялъ, теперь полный жизни, недосягаемой намъ смертнымъ, божественной. Никогда я не забуду той страшной жизни красокъ, какая съ шумомъ врывается въ фибры всѣ, если смотрѣть картину Распятiе апостола Петра. Старая голова спокойнаго духомъ апостола, вся въ морщинахъ, внизу и оттуда летятъ снопы лучей изъ глазъ на очарованнаго зрителя. Ахъ, эти святые глаза! Они тянутъ къ себѣ, приковываютъ, гипнотизируютъ какъ живые, и, кажется, что въ столбнякѣ все кругомъ живое, лишь эти глаза живутъ и смотрятъ, смотрятъ безъ конца на онѣмѣвшаго зрителя, и только нервныя подергиванiя отмѣчаютъ въ немъ и жизнь и чувства... Скажу еще, что въ эрмитажѣ есть Канова, есть образцы античной живописи, есть грандiозныя, въ метръ высота примѣрно, вазы изъ чуднаго малахита и такiе же великаны изъ нѣжнаго, голубого, какъ глаза небожителя, ляписъ-лазули; столы въ сажень длины изъ досокъ въ толщину не менѣе вершка, собранные изъ тѣхъ же драгоцѣнныхъ матерiаловъ, ляписъ-лазули и малахита, и множество другихъ чудесъ.

Около часа пополудни въ трехъ залахъ зимняго дворца были сервированы во всю длину залъ столы для холоднаго завтрака, а также буфеты съ шампанскими винами. Несмотря на громадное помѣщенiе зимняго дворца, всѣ залы были наполнены членами съѣзда. Вскорѣ начался завтракъ, и предсѣдатель съѣзда проф. Н. А. Меншуткинъ въ каждомъ изъ залъ, въ которыхъ были сервированы столы, провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора и Государыни Императрицы. Тосты вызвали восторженные крики ура. Это было величественное зрѣлище и нѣчто единственное въ своемъ родѣ, ибо всѣ тѣ, кто удостоился чести здѣсь быть, ничего подобнаго не увидятъ не услышатъ: въ другой разъ тѣ же массы и не соберутся вновь...

„И я тамъ былъ, и медъ я пилъ“ хочется сказать словами поэта про дальнѣйшее.—Около трехъ часовъ начался разъѣздъ.

27 декабря вечеромъ. Сгрустнулось. Скучно. Противоположности сѣвера вызвали въ мозгу представленiя объ югѣ, шири степей, напомнили родной, веселый край, гдѣ теперь въ разгарѣ любимый въ народѣ праздникъ Рождества Христова, гдѣ въ каждой семьѣ величавое настроенiе по случаю дня рожденiя Предвѣчнаго младенца... гдѣ такъ мощно вылетаютъ изъ груди радостныя звуки славленiя Христа у безпокойной молодежи, паробковъ, дѣвчатъ; гдѣ льются радостно веселыя щедривки, послѣ коихъ такъ вкусно, съ аппетитомъ во множествѣ съѣдаются колбасы жирныя съ капустой квашеной, куски большiе сала нѣжнаго, гусиныя лапки сладкiя, — вареники румяные въ сметанѣ плаваютъ. Тамъ радостно теперь. Но, знаю я, не всѣмъ. Среди пировъ ликующихъ, веселья счастливыхъ, есть и обездоленные немощьми, тоской и грустью тягостной. Заныло сердце, всплакалось. И вотъ перо въ рукахъ и пишетъ ужъ привѣтъ - утѣху страждущимъ.

Съ упругихъ береговъ затянутой въ броню гранита твердаго
и льдовъ, прикрытыхъ сѣрой пеленою снѣга и инея пушистыхъ,
какъ бы опилками отъ стали нѣжной, красавицы и царственной
Невы—шлю Вамъ я родственный привѣтъ отъ сердца чистаго
и поздравленья съ новымъ годомъ...

Вамъ горе видѣвшей, Вамъ въ одиночествѣ и тоскующей несу я чистое утѣшенiе и участiе... пожеланiе, чтобъ всѣ невзгоды, бѣдствiя развѣять въ мглистый прахъ, въ мглистый прахъ! Васъ сиротливую, Васъ горемычную я привѣтствую какъ достойную лучшей участи, доли счастливой... И я думаю, доля счастiя не минуетъ Васъ, Васъ испившей ужъ чашу горести! Пусть же чаша горькая далеко, далеко отлетитъ отъ Васъ и разрушится, словно глыбы льда отъ красы — весны

лучей солнышка; пусть согрѣютъ Васъ въ одиночествѣ, приласкаютъ Васъ они, лучи лады—счастія, тѣмъ тепломъ участія и радушія, отъ котораго и забудутся, и сокроются, и развѣются по лицу земли всѣ невзгоды наши, буки—несчастія!..

А мы въ новомъ году станемъ жить да поживать съ новымъ счастіемъ, станемъ добру — милости пѣть, воспѣвать: слава! слава! слава!

29 декабря я долженъ былъ разстаться съ Петербургомъ. Но прежде, чѣмъ это сдѣлать, я направился въ Петропавловскій соборъ съ цѣлью посѣтить Императоркую усыпальницу. Было около часу, когда я переступилъ порогъ этого замѣчательнаго храма. У царскихъ вратъ справа и слѣва могилы императоровъ и императрицъ: Петра I, Петра III, Павла I, Екатерина I, Екатерины II, Анны I, Елизаветы I, Александра I, императрицы Маріи Өеодоровны, а въ лѣвомъ придѣлѣ могилы особъ царствующаго дома, жившихъ во второй половинѣ XIX в. Здѣсь лежитъ императоръ Александръ II, рядомъ съ нимъ супруга его, императрица Марія Александровна, и далѣе гробница императора Александра III; рядомъ покоится такъ недавно угасшій цесаревичъ Георгій. Вблизи могила Николая I. Весь соборъ украшенъ вѣнками изъ металла, возложенными на могилы усопшихъ и нашедшихъ здѣсь вѣчный покой. 29 декабря, нѣсколько раньше моего прихода, на могилу императора Александра III Сіамскій наслѣдный принцъ Ваджиравудъ возложилъ чудесный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Въ немъ туберозы гордыя, едва расцвѣтшія съ благоуханьемъ нѣжнымъ и пышныя съ мягкой желтизной бутоны-розы, а также ландыши скромные несли повсюду ароматическое курево...

Поклонившись праху лежащихъ здѣсь царей, царицъ и ихъ сородичей, я вышелъ изъ храма и направился въ свое жилье, чтобъ собираться въ обратный путь. Итакъ, приходится разстаться съ Петербургомъ, но съ мыслью пріѣхать вновь и непремѣнно, чтобъ ближе съ нимъ познакомиться и побывать въ театрахъ, чего теперь не могъ я сдѣлать. Да, непремѣнно пріѣхать! А теперь хочется еще сказать два-три слова про Петербургъ, что онъ городъ богачей, людей имущихъ. Въ немъ много прислуги, люду сильнаго, здороваго и, конечно, пришлаго, часто работающаго работу пустую, не стоющую тѣхъ стальныхъ мышцъ, что выбиваются наружу у ихъ счастливыхъ обладателей. Такого количества швейцаровъ (они даже въ маленькихъ кондитерскихъ), какъ въ Петербургѣ, надо думать, не сыщешь больше нигдѣ. И народъ все это солидный, ловкій, знающій себѣ цѣну. Особенно, старшіе дворники.

Петербургъ еще много ѣздитъ и много тратитъ на это денегъ. Я видѣлъ у извозчика № 17144, и это одноконный, причемъ такой извозчикъ въ среднемъ зарабатываетъ 5 р. въ сутки. А конки, кареты, собственные экипажи. Ихъ тоже много, и много денегъ, понятно, на нихъ тратится. Впрочемъ, въ Петербургѣ вообще денегъ очень много тратится, да и цѣны - то тамъ въ сущности деньгамъ не знаютъ. Такъ тройка стоитъ 30—40 р., за открытыя письма платятъ по 1 р. за штуку и т. д. и т. п. И неудивительно, что существующее присловье: „Питеръ бока повытеръ“ приходится испытывать частенько тому, кто побывалъ въ столицѣ. И тѣмъ не менѣе, Петербургъ все же манитъ, влечетъ къ себѣ своею широкою жизнью, своею своеобразной природой, своею неменѣе своеобразной красотой. Я всегда буду помнить вотъ эту картину, которую увидишь только въ Петербургѣ и которую пожалуй оцѣнить только здѣсь. Солнечный день, день рѣдкостный. Дворцовая набержная. Нева закрыта ровнымъ, гладкимъ, матовымъ снѣжнымъ покровомъ, широкимъ, широкимъ. Она зашита въ сѣрый гранитъ. На противоположномъ берегу заходящее солнце алымъ бархатомъ тучъ заволакиваетъ небо, на коемъ отчетливо отражаются сѣрыя твердыни Петропавловской крѣпости, съ темными пятнами по ней на мѣстѣ, гдѣ люки. Золотой шпиль собора играетъ огнемъ въ лучахъ заходящаго солнца. Слѣва высится причудливо классическій фронтонъ биржи. Справа—неясные контуры фабрикъ, зданій за Невой. Все это засыпано дымкой морознаго воздуха, въ которомъ отчетливо слышатся переливы мягкихъ гаммъ часовъ башни въ Петропавловской крѣпости, отбивающихъ четыре четверти третьяго, подъ аккомпаниментъ столичнаго шума отъ шарканья снѣга подъ копытами лошадей и стали полозьевъ многочисленныхъ саней... Хорошо! И когда я уѣзжалъ изъ столицы, мнѣ хотѣлось кричать ей вмѣстѣ съ поэтомъ:

Люблю тебя, Петра творенье!
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ.
Люблю зимы твоей жестокой

Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ.
И блескъ, и шумъ, и говоръ балловъ...

30 декабря. Любопытно, что зима закрыла снѣгами землю лишь до Двинска. Дальше къ юго-западу его все меньше и меньше, такъ что можно успѣшно наблюдать характеръ почвы и растительности на всемъ пространствѣ, прилегающемъ къ полотну желѣзной дороги. У Двинска почвы желтыя, и конечно такими онѣ дѣлаются отъ глинъ, сплошными слоями прикрывающихъ всѣ холмистыя равнины Витебской губ. Зато здѣсь растительность становится часъ отъ часу сильнѣе, могучѣе, и сразу видно, что мы въ лѣсной полосѣ. Все больше видны сосновыя рощи, и сосны здѣсь, повидимому, даютъ тонъ окружной флорѣ: рослыя, съ прямыми, высоко поднятыми вѣтвями, ровныя, онѣ ласкали глазъ красивыми формами, напоминая чудные офорты Шишкина. Казалось, предъ нами экземпляры, выращенные природой по шишкинскимъ моделямъ... А на горизонтѣ виднѣлись во множествѣ холмы, совершенно круглые, увѣнчанные темными купами зеленѣющихъ сосенъ, и все это рельефно выступало въ розовыхъ лучахъ свѣтлаго солнца. Здѣсь всюду оно насъ преслѣдовало, ловило, и мы, лишенные возможности видѣть солнце на сѣверѣ,—жадно схватывали его яркій, зимній румянецъ. Роскошными казались рощи, верхи которыхъ плавали и купались въ оранжевыхъ лучахъ ласковаго солнышка, и даже тощія березки, какъ восковыя свѣчечки, и такія же бѣлыя и тонкія, стояли съ кронами въ красномъ огнѣ, дополняя эффектъ сравненія ихъ со свѣчой...

Чѣмъ дальше мы подвигались къ югу, тѣмъ природа развертывала передъ нами все больше и больше прелестей. Въ Виленской губ. пошли навстрѣчу намъ поля чуть-чуть присыпанныя мелкимъ снѣгомъ, издали казавшіяся сѣдыми, и великолѣпныя дубовыя рощи. И какое это могучее дерево! А если множество этихъ деревъ облегаютъ высокіе холмы, наполняютъ овраги и ущелья, образуемые холмами, устилая долъ своими мѣдью обитыми съ зазубринами листами,—какая красота тогда въ силѣ и мощи этихъ великановъ-атлетовъ растительнаго міра. Мѣстность, которую выбираетъ для себя это культурное дерево, отличается всегда мягкимъ, ровнымъ, здоровымъ климатомъ и безъ обилія влаги. Оно любитъ также умѣренную

съ морозами и снѣгомъ зиму, когда дубу надо отдохнуть отъ энергичной работы во время лѣта, осени, весны, заснуть глубоко, сильно, чтобы потомъ послѣ живительнаго и продолжительнаго сна, опять приняться за новую, тяжелую работу. Все почти разстояніе отъ Вилейки до Ландварова Виленской губ. наполнено этими величественными рощами, и здѣсь, стало-быть, прекрасный климатъ. Но здѣсь чудеснѣйшая природа. Илія, какъ серебряная змѣйка, конвульсивно извиваясь, бѣжитъ рядомъ съ полотномъ желѣзной дороги. И иногда такъ причудливо, что кажется, вотъ - вотъ перельется черезъ полотно, а она вдругъ круто поворачиваетъ вправо и теряется вдали въ группахъ невысокихъ деревьевъ, чтобъ снова блеснуть сталью своихъ игрывыхъ водъ на откосѣ рядомъ съ громыхающимъ поѣздомъ. Но вотъ рѣченка спряталась въ солидной Виліи, и та теперь вольно и плавно пошла впередъ, развертывая передъ нами красоты водъ и горъ, лѣсовъ Литовской Швейцаріи. Что за прелесть, когда вдругъ врываешься, будто кто развернулъ завѣсу, скрывавшую отъ глазъ, въ кучу горъ, нагроможденныхъ и пригнанныхъ одна къ другой какъ бы по предварительному разсчету разумнымъ существомъ! И горы эти прикрыты густою порослью, и черезъ это становятся еще эффектнѣе, еще очаровательнѣе. Ихъ далѣе покрыли домики, и не доставало ко всему этому рожка пастуха и умныхъ глазъ породистой коровы, чтобъ совсѣмъ ужъ перенестись и въ настоящую Швейцарію. — Показалась старая Вильна со своими красными черепичными крышами, старинными постройками; а тамъ дальше, за Вильной, опять Швейцарія, опять холмы и горы, пока мы не вбѣжали въ туннель. Это обстоятельство еще больше заставило перенестись мыслью въ Швейцарію; хотя впрочемъ сразу, какъ только мы выѣхали изъ туннеля, картина рѣзко измѣнилась, и широкая равнина вошла въ свои права, рѣзко оттѣняя то разнообразіе и величіе горнаго ландшафта, какой сейчасъ все время былъ, своимъ ординарнымъ видомъ, и лишь кучки порослей нѣсколько успокаивали требовательный глазъ. Только у границъ Гродненской губ. картина однообразныхъ полей начала мало-помалу мѣняться, и предъ нами пошли все новые и новые виды. Они сыпались какъ изъ рога изобилія быстро, часто, густо. Почва сразу измѣнилась и разсыпалась предъ нами сѣрыми песками всюду, насколько хватитъ глазъ. Ея однообразіе нарушается частыми группами холмовъ, особенно къ сѣверо-западу,

гдѣ ютятся холмы Прибалтійской возвышенности. Они забрасываютъ собой значительную часть Гродненской губ., придавая ей столько разнообразія среди сѣрыхъ почвъ ея равнинъ. Удивительное множество здѣсь узкихъ, извивающихся словно змѣйки, рѣченокъ, которыя бѣгутъ рядомъ съ поѣздомъ быстро, быстро, принимая самыя причудливые изгибы, повороты, извивы. И часто такая рѣченка бѣжитъ, бѣжитъ, и вдругъ пропала, топится въ маленькомъ озеркѣ, величиною въ доброе пятно. Придетъ къ такому пятну-озеру рѣчка-змѣйка, окунется въ немъ, и нѣтъ у ней силы вынырнуть отсюда, тутъ ей и конецъ. Но не успѣетъ глазъ оторваться отъ мѣста исчезновенія одной рѣчки, глядишь, а рядомъ бѣжитъ другая и извивается какъ въ судорогахъ змѣя. А тамъ третья, четвертая, и нѣтъ имъ всѣмъ числа. Этотъ своеобразный ландшафтъ началъ нарушаться встрѣчающимися то тамъ, то здѣсь случайными болотами мшистыми, покрытыми толстыми слоями моху. Но эти болота не вызывали того унынія и не производили тѣхъ опустошительныхъ работъ, какія мы видѣли производятъ Пинскія. И оттого, что имъ здѣсь нѣтъ раздолья, размаха; нѣтъ пристанища, и живутъ они здѣсь изрѣдка, случайно, какъ бы въ гостяхъ.

Скоро мы увидѣли Гродно, городъ, ничего особенно не представляющій и похожій на любой губернскій городъ средней руки. Очень городъ краситъ Нѣманъ, какъ бы раздвигающій его, одну половину отъ другой. Широкій, дюжій, тихій—какъ бы нѣмой,—Нѣманъ такъ же сѣръ, какъ и та почва, которую онъ разсѣкаетъ въ значительной части Гродненской губ. Медленно, плавно катитъ воды свои вдоль сѣрыхъ береговъ, гдѣ Гродно, окаймленныхъ сѣренькими домиками съ красными черепичными кровлями, и лишь струйки воды, какъ марево въ тихій, ясный, жаркій іюльскій день въ степи, образующіяся отъ напора волнъ въ болѣе мелкихъ мѣстахъ русла рѣки (эти струйки съ высоты моста кажутся замерзшими отъ первыхъ морозовъ плавающими льдинами, сало), рѣютъ и говорятъ, что рѣка движется, течетъ. — Ровно въ 5 ч. 15 м. вечера мы подошли къ Бѣлостоку, и сразу стало видно, что это за городъ. Поѣздъ еще не успѣлъ остановиться, а въ окнахъ вагоновъ замелькали направо и налѣво громадныя дымившіяся трубы, выбрасывавшія густые клубы чернаго каменоугольнаго дыма. Это та же Лодзь; но въ значительно меньшемъ размѣрѣ. Тамъ—городъ-фабрика, тамъ море трубъ, и обыкновенное жилище человѣка какъ бы придатокъ фабричныхъ строеній. Здѣсь трубъ много, но не море, и онѣ все же теряются въ общей массѣ обычныхъ городскихъ жилыхъ помѣщеній. Тѣмъ не менѣе, Бѣлостокъ и по первому впечатлѣнію говоритъ о родѣ заработка живущаго здѣсь человѣка. — За Бѣлостокомъ стало совсѣмъ темно, и окресности закрылись густою черною пеленою, такъ что окна вагоновъ казались темными прорѣхами, какъ отверстія въ большомъ оставленномъ жилищѣ человѣка съ вынутыми рамами, дверьми и балками, поддерживавшими потолки. Остался лишь остовъ жилья, и въ немъ темно, такъ какъ наружный свѣтъ, попадая въ оконныя отверстія, быстро пропадаетъ, а они зіяютъ словно пасти какого-то фантастическаго животнаго... Къ тому же чувствовалась усталость отъ долгаго и напряженнаго вниманія, которое должно было схватить и сохранить всѣ тѣ картины чрезмѣрнаго разнообразія, что такъ быстро и въ такомъ безмѣрномъ количествѣ смѣняли однѣ другія. Я прилегъ на диванѣ и, убаюкиваемый мѣрными качаніями быстро несущагося поѣзда, погрузился въ ту дремоту, когда почти теряются представленія о живыхъ предметахъ, или по крайней мѣрѣ теряешь быстро грань между дѣйствительностью, явленіями, управляемыми закономѣрностью логическихъ сужденій и порывистой фантазіей; когда логика сужденій отодвинута на задній планъ, а дѣйствительное принимаетъ причудливыя формы галлюцинирующихъ и зрѣнія и слуха... Мнѣ мнилась то рука „Мѣднаго всадника“, вытянувшаяся вдаль, то высились колонны, то подымались лѣсныя гущи рощъ, густо прикрывавшихъ очертанія куполообразныхъ горъ, то музыка колесъ громыхающаго поѣзда раздавалась взрывами рукоплесканій, которые я такъ недавно слышалъ...

— „Вставайте, Варшава!“ — и я вздрогнулъ отъ слабаго прикосновенія руки одного изъ спутниковъ къ плечу. Видѣнія исчезли. Я приподнялся, подошелъ къ окну, взглянулъ въ него и увидѣлъ вдали мигающіе огоньки. То показались огни Варшавы. Въ нѣкоторомъ родѣ мы дома. Здѣсь и заканчивается наша 20 дневная Одиссея.